

III. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327

А.Г. Данков

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В 2025 ГОДУ: ОТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К КРИЗИСУ

Рассматривается проблема прогнозирования социально-экономической и политической ситуации в Центральной Азии на среднесрочный период до 2025 г. в условиях высокой степени неопределенности в региональной подсистеме международных отношений. Представлены ключевые источники неопределенности в регионе: закрытые политические системы, слабые социальные институты, экономики, зависимые от мировой конъюнктуры, неэффективная система учета населения, неконтролируемый рост больших городов, радикальное изменение этнической карты региона, национальные меньшинства, проблема границ и анклавов. Обозначены наиболее опасные с точки зрения стабильности «болевы́е точки» региона и сформулированы основные сценарии развития ситуации в Центральной Азии до 2025 г.

Ключевые слова: Центральная Азия, прогнозирование, международные отношения, постсоветское пространство.

Ситуация в Центральной Азии все больше привлекает внимание специалистов-международников во всем мире. Среди отечественных и зарубежных экспертов стало модным строить многочисленные прогнозы о развитии экономической и политической ситуации в регионе [1, 2, 3]. Проекты, связанные с изучением международных отношений в Центральной Азии, стали ключевыми во многих исследовательских центрах в России и за рубежом, а Европейский Союз принял стратегический документ, который будет определять его политику в отношении Центральной Азии в будущем [4]. События «Арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке и планы по выводу войск международной коалиции из Афганистана в 2014 г. ещё больше подогревают интерес к судьбе Центральной Азии.

Стоит отметить, что прогнозы – дело неблагодарное, особенно если это касается столь сложного и непредсказуемого региона, как Центральная Азия. Безусловно, невозможно точно спрогнозировать конкретные события или представить, как будет точно выглядеть политическая карта региона через 20 лет. Однако существуют ключевые демографические, экономические, социальные тренды, силы и факторы, которые влияют на мировую политику в целом и на развитие ситуации в Центральной Азии в частности. Если попытаться с помощью одного слова наиболее полно охарактеризовать ситуацию в Центральной Азии, как и во всей мировой политике, то лучшим вариантом является «неопределенность». Проблема неопределенности в современных международных отношениях активно обсуждается многими исследователями [5, 6, 7]. На данный момент уровень неопределенности в центральноазиатской региональной

системе международных отношений достиг максимальной отметки. Ситуация настолько шаткая, что в любой момент может выйти из-под контроля.

Почему же возникла эта неопределенность? В чём причины того, что ситуация в регионе с трудом поддается прогнозированию с помощью стандартных методов? На данный момент она вызвана целым рядом факторов, которые серьезно влияют на жизнь региона. Какие-то факторы достались в наследство от Советского Союза, какие-то возникли за 20 лет независимости. Итак, попытаемся кратко их обозначить.

Закрытые политические системы. Политические системы в странах Центральной Азии закрыты, а механизмы принятия решений непрозрачны. В этих условиях процесс передачи политической власти является непредсказуемым. При этом ключевую роль играют не демократические механизмы, а противостояние основных группировок внутри элиты. Пример Туркменистана показывает, как непредсказуема может быть политическая ситуация в переходный период. После смерти президента С. Ниязова согласно законодательству обязанностью главы государства должен был исполнять председатель Маджлиса – О. Атаев. Однако в результате «подковерной» борьбы внутри правящей элиты он был отстранен от должности, арестован и впоследствии осужден, а исполняющим обязанности президента стал министр здравоохранения Г. Бердымухаммедов [8].

В условиях закрытости политических систем любые демократические институты носят скорее формальный, даже ритуальный характер. Результаты выборов не отражают настроения в обществе. «Управляемые» электоральные процедуры, с одной стороны, дают иллюзию легитимности по-

литической власти, но, с другой стороны, абсолютно не гарантируют её сохранение. Пример Кыргызстана, когда выборы депутатов парламента в 2005 и 2010 гг. формально закончились победой сторонников действующей власти, но в то же время стали катализатором революций, наглядно это иллюстрирует.

Экономики, зависящие от мировой конъюнктуры. Экономика Центральной Азии сильно зависит от цен на мировых рынках на товары, составляющие основу экспорта стран региона (нефть, газ, хлопок, продукция чёрной и цветной металлургии), и от потребности в рабочих-мигрантах. Кроме этого, регион не имеет выхода к морю, а маршруты экспортных поставок мало диверсифицированы, что ставит страны Центральной Азии в зависимость от своих соседей. Зачастую, страны региона имеют лишь одного ключевого торгового партнера, который является основным потребителем экспортных товаров и услуг. Так, например, 80% трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана трудятся в России, которая до 2009 г. была и основным покупателем туркменского газа (с 2010 г. её место занял Китай). Кроме этого, страны Центральной Азии во многом продолжают оставаться зависимыми от импорта продовольствия. Таким образом, любые изменения на мировом рынке оказывают серьезное влияние на экономику стран региона. Высокий спрос на углеводороды в 2000-е гг. способствовал экономическому росту и повышению уровня жизни в Казахстане и Туркменистане. В то же время экономики этих стран страдают от «голландской болезни» и сильно зависят от импорта.

Похожая ситуация сложилась и в странах-экспортерах рабочей силы. Экономический рост в России и Казахстане способствовал повышению спроса на рабочую силу мигрантов, денежные переводы которых составляют до 50% ВВП таких стран, как Таджикистан и Кыргызстан [9]. Приток денег из России и Казахстана позволял экономическим стран-доноров трудовых мигрантов относительно устойчиво функционировать и повышал уровень жизни населения. Однако кризис 2007–2008 гг., который сопровождался резким падением спроса на углеводороды и другие виды сырья, а также на рабочую силу в странах-реципиентах трудовых мигрантов, положил конец относительному благополучию стран Центральной Азии. Так интенсивный рост в одночасье сменился падением, что негативно сказалось на региональной стабильности.

Слабые социальные институты. Традиционный общественный уклад в регионе разрушается

из-за аграрного перенаселения, экологических и водных проблем, однако темпы урбанизации достаточно низкие, поэтому полноценный переход к индустриальному обществу не осуществлен. Таким образом, одни социальные институты разрушились, а другие не сформировались. В этих условиях на первый план выходят полукриминальные и откровенно криминальные группы, которые начинают регулировать жизнь местных сообществ. На данный момент наиболее сплоченными и организованными группами являются структуры, занимающиеся производством и транзитом наркотиков из Афганистана. Поэтому целые районы Центральной Азии, особенно в труднодоступной местности, находятся под контролем наркомафии, которая определяет идущие там социально-экономические и политические процессы.

Неэффективная система учета населения. Фактически в Центральной Азии ни местные правительства, ни международные организации не знают точно, где и сколько людей проживают. Система прописки, унаследованная от СССР, не работает. Значительное число людей не проживает по месту регистрации, так как в надежде найти работу они либо перебираются ближе к столице, либо уезжают на длительный срок за границу. В трех из пяти государств региона (Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане) перепись населения не проводилась более 10 лет, а к качеству переписей населения, проведенных в 2009 г. в Казахстане и Кыргызстане, есть серьезные претензии. Численность населения завышается для получения дополнительной помощи международных организаций (Кыргызстан) или исходя из политических соображений (Туркменистан при С. Ниязове).

Существуют проблемы с определением национального состава населения стран региона. При текущем учёте или в ходе переписей завышается численность титульного этноса как путем прямых приписок, так и включением в его состав представителей других народов. Так, в состав узбекского населения включаются таджики, проживающие в Узбекистане, в свою очередь, узбеки, проживающие в Туркменистане, насильственно записываются туркменами и т.д. Проблемы учёта касаются как сельского, так и городского населения. Попытки ограничить приток населения в крупные города заставляют десятки тысяч людей находиться на нелегальном и полунелегальном положении. Это не позволяет точно оценить численность населения даже в столицах. Существуют многочисленные оценки населения, которые в 1,5–2 раза превышают официальные данные. Так, при официальной численности населения Ташкента в

2,3 млн человек неофициальные оценки говорят о 3–4 млн жителей, а при официальном населении Алматы в 1,4 млн наблюдатели сходятся на цифре в 2 млн человек [10, 11]. Отсутствие точных данных о численности населения не позволяет эффективно планировать развитие экономики, социальной сферы и инфраструктуры.

Неконтролируемый рост больших городов. Население шести крупнейших городов региона (Ташкент, Алматы, Ашхабад, Бишкек, Астана и Душанбе) за последние 20 лет выросло в 1,5–2 раза. В условиях, с одной стороны, деиндустриализации и кризиса сельского хозяйства, последовавших за распадом Советского Союза, а, с другой стороны, аграрного перенаселения значительная часть сельских жителей устремилась в крупные города (как правило, столицы), в которых сосредоточены финансовые ресурсы и рабочие места. Стихийный характер этих процессов создает большое количество проблем (чрезмерная нагрузка на транспортную и коммунальную инфраструктуру, районы трущоб, рост преступности и социального протеста).

Рост крупных городов будет продолжаться. В 2012 г. в Центральной Азии было только 2 «миллионника» (Ташкент и Алматы), по расчетам автора на основании данных о текущей численности и прогнозе роста численности населения, к 2025 г. их число увеличится до 6 – к указанным выше городам присоединятся Астана, Бишкек, Ашхабад и Душанбе. В результате более 9 млн чел. (12 % населения) будут жить в мегаполисах, еще 6 млн чел. (8 %) – в их городах-спутниках. Таким образом, в 2025 г. при общем населении в 70–75 млн чел. около 20 % населения Центральной Азии будут проживать в крупных агломерациях.

Фактически в Центральной Азии идет стихийное формирование мегаполисов и крупных агломераций. Концентрация финансовых ресурсов, когда государственные затраты на развитие инфраструктуры и социальной сферы в крупных городах, в первую очередь столицах (исключением является Алматы, который, потеряв столичный статус, сохранил себя как региональный финансовый центр), в разы превышают аналогичные затраты в других городах. Это приводит к тому, что, с одной стороны, не возникают альтернативные города-центры экономического роста, а, с другой стороны, основные потоки внутренней миграции устремляются в столичные мегаполисы, что создает непомерную нагрузку на социальную сферу и инфраструктуру.

Радикальное изменение этнической карты региона. За 20 лет после распада Советского Союза

этническая картина в регионе радикально изменилась. «Европейское» население значительно сократилось в результате низкой рождаемости и эмиграции, во многих районах и городах изменился этнический баланс – этносы, ранее составлявшие там меньшинство, превратились в доминирующие. Так, например, произошло в Астане, Алматы и Бишкеке, Чуйской области и других районах. Многие полиэтнические города превратились в практически моноэтнические (например, Душанбе).

В результате был нарушен сложившийся в XX в. этнический баланс в обществе. В свое время «европейцы» играли в Центральной Азии важную роль и составляли «средний класс» (административно-партийные и инженерно-технические работники, сотрудники милиции, врачи, учителя, квалифицированные рабочие) – прослойку между элитой и основной массой населения, которая обеспечивала устойчивость обществу и функционирование инфраструктуры. «Европейское» население преобладало в большинстве городов, а коренные этносы проживали в основном в сельской местности.

Сейчас ситуация изменилась. Идет интенсивный процесс урбанизации так называемых «титульных» народов (быстрее всего урбанизируются казахи и туркмены), и в городах стремительно увеличивается доля «азиатских» этносов. Городов, где «европейцы» до сих пор составляют большинство, очень мало, и они в основном расположены в центральных, северных и восточных районах Казахстана (например, Темиртау, Петропавловск и Усть-Каменогорск).

В целом можно говорить о том, что судьба «европейского» населения региона в среднесрочной перспективе решена – его численность будет продолжать сокращаться из-за низкой рождаемости, высокой доли людей старших возрастов и эмиграции. Главная неопределенность заключается в том, кто займет место «европейцев». Если административные должности и места в силовых структурах с удовольствием занимают представители «титульных» этносов, то ситуация с кадрами в образовании, здравоохранении и промышленности остается крайне тяжелой. Главным итогом является снижение уровня жизни и нестабильная работа инфраструктуры (транспорт, энергетика, ЖКХ, система орошения).

Национальные меньшинства. Массовая эмиграция «европейцев» не снимает с повестки дня проблемы, связанные с этническими меньшинствами. Во-первых, представители этносов, которые в одних странах являются «титульными», в других

выступают в качестве меньшинств (например, узбеки). Кроме этого, в Центральной Азии проживают много малых азиатских этнических групп: как автохтонных (уйгуры, дунгане, каракалпаки, памирцы и другие), так и народов, поселившихся в регионе в XX в. (корейцы, курды, азербайджанцы, чеченцы и другие). Представители этих народов в отличие от «европейцев» не настроены эмигрировать из Центральной Азии. Их численность остается практически неизменной (корейцы) либо возрастает (уйгуры, дунгане), к тому же они проживают компактно и, порой, образуют устойчивые сообщества.

Место и роль этнических меньшинств в регионе остается неопределенной, к тому же они в той или иной степени подвергаются давлению со стороны «титовых» наций. В последние десятилетия во всех странах Центральной Азии доля титульного этноса постоянно возрастала. После распада СССР этот процесс только ускорился. Частично это объясняется более высоким уровнем рождаемости среди «титовых народов» и эмиграцией «европейского» населения, однако зачастую это связано с процессом «коренизации» населения, когда таджики в Узбекистане регистрируются как узбеки, узбеки в Таджикистане – как таджики, а в Туркменистане – как туркмены.

Неопределенность социально-экономического и политического статуса, отсутствие пропорционального представительства в органах власти и силовых структурах, а также другие проблемы этнических меньшинств делают внутренние процессы в государствах Центральной Азии мало предсказуемыми.

Границы и анклав. Неопределенность в регионе во многом является результатом многочисленных территориальных претензий и отсутствия взаимно признанных границ, к которым добавляется проблема многочисленных анклавов. В результате многие приграничные территории попросту заминированы (например, граница Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном), а сообщения о чрезвычайных происшествиях и перестрелках на границах стали обычным явлением. Главная проблема заключается в том, что любой подобный инцидент может стать поводом для обострения ситуации в регионе.

Неопределенность и слабость ключевых общественных и политических институтов приводит к тому, что регион воспринимается в мире как один из основных источников нестабильности. При этом в регионе существует целый ряд проблем, которые могут обостриться в любой момент. Главная сложность заключается в том, что точно

определить момент обострения практически невозможно – на сегодняшний день не существует хотя бы относительно надежных методик. Фактически в регионе существуют несколько «бомб замедленного действия», которые в любой момент могут дестабилизировать обстановку в регионе. Среди них присутствуют как политические, так и экономические факторы:

Передача власти в крупнейших странах региона – Узбекистане и Казахстане. Непрозрачность политических процессов делает вопрос передачи власти в условиях, когда президенты обоих государств достигли преклонного возраста, весьма щекотливой. Отсутствие прямых наследников мужского пола и наличие нескольких претендентов на роль преемника делают ситуацию максимально неопределенной.

Борьба за контроль над наркотрафиком. В условиях острого экономического кризиса, который охватил все страны региона после распада Советского Союза, транзит наркотиков из охваченного войной Афганистана превратился для многих жителей Центральной Азии в важный источник дохода. В него вовлечено большое количество людей от простых проводников караванов и наркокурьеров до коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов. Целые районы в странах Центральной Азии находятся под прямым или косвенным контролем наркомафии.

Борьба за контроль над водными ресурсами. Вода в Центральной Азии – это жизнь. Где есть вода, там можно развивать сельское хозяйство и промышленность, строить города. В этих условиях противоречия между Узбекистаном и Таджикистаном из-за строительства Рогунской ГЭС и между Узбекистаном и Кыргызстаном из-за планов строительства Камбаратинской ГЭС могут привести к резкому обострению ситуации в регионе. Об этом недавно заявил лично президент Узбекистана И. Каримов [12].

Нестабильность в Кыргызстане и Таджикистане. Эти страны являются самыми слабыми в регионе и с точки зрения социально-экономического развития, и с точки зрения устойчивости политической системы. Бедность, практически полная деградация промышленности и сельского хозяйства, клановая система общественного устройства, межэтнические и межрегиональные противоречия, криминализация экономики, властных и силовых структур, наркотрафик – все эти проблемы создают угрозу перманентной нестабильности в Кыргызстане и Таджикистане.

Исламисты в Казахстане. Активизация исламистов в Казахстане – новый и весьма серьезный

фактор в Центральной Азии. Все привыкли к тому, что исламистское подполье активно действует в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане, но Казахстан всегда оставался в этом отношении символом спокойствия. Серия терактов и ответных операций казахстанских спецслужб в 2011–2012 гг. заставила всерьез говорить об исламистском факторе в республике. Безусловно, в силу культурных и политических традиций исламская революция Казахстану не угрожает, однако возможен сценарий, когда терактом, совершённым исламистами (например, покушение на президента республики или крупный теракт с человеческими жертвами), могут воспользоваться в своих целях те или иные политические силы.

Опираясь на мнение экспертов и анализ ключевых социально-экономических трендов и основных региональных проблем, можно говорить о том, что на данный момент к наиболее вероятным сценариям развития Центральной Азии до 2025 г. можно отнести следующие:

Усиление гражданской войны в Афганистане после вывода американских войск в 2014 г. и раздел страны по этническому признаку. О высокой вероятности реализации такого сценария в своих статьях и выступлениях говорят многие специалисты [13]. Действительно, противоречия внутри Афганистана между различными этническими группами очень сильны, а дееспособность правительства Х. Карзая вызывает серьезные сомнения. В этих условиях приход к власти талибов после вывода иностранного контингента войск (этот сценарий считается более, чем вероятным) приведет к обострению межэтнических противоречий в Афганистане и новому витку гражданской войны, как это было в начале 90-х гг. XX в.

Обострение ситуации в Таджикистане и Кыргызстане. Социально-экономические проблемы и слабость политической системы в этих странах делают их слабым звеном в регионе. В случае реализации этого сценария в Таджикистане и Кыргызстане может развернуться борьба за контроль над основными путями транзита наркотиков и контрабанды (оружие, сигареты, товары народного потребления), что, в свою очередь, вызовет обострение межрегиональных и межэтнических противоречий. Главную надежду стоит возлагать на то, что население этих стран имеет серьезную прививку, которую оно получило в результате гражданской войны (Таджикистан) и межэтнических столкновений (Кыргызстан), и не допустит коллапса государственности.

Конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном (скорее всего, в форме мятежа в Таджи-

кистане, который поддержит Узбекистан). На данный момент отношения между Узбекистаном и Таджикистаном напряжены до предела. Между государствами существуют многочисленные противоречия вокруг использования водных ресурсов, спорных участков границы и транспортных проблем. После вывода войск американцы значительную часть техники и вооружения оставляют в Центральной Азии (в основном Узбекистану, частично Таджикистану и Кыргызстану), при этом важнее всего то, что они оставляют системы обеспечения и оборудование (транспорт, полевые кухни, системы очистки воды). Вооружения в регионе достаточно много, а вот возможностей проводить длительные регулярные операции вдали от баз у армий региона пока нет. После вывода американских войск возникнет соблазн использовать военную технику и оборудование для решения спорных вопросов. Попытки президента Э. Рахмона за последние два года укрепить свою власть за счёт ликвидации бывших оппозиционеров вызывают сопротивление региональных кланов, которые выступали во время гражданской войны против Народного Фронта. Это создает почву для возможного антиправительственного мятежа, который при определенных условиях может быть поддержан Узбекистаном. Вероятность подобного конфликта достаточно высоко оценивают многие эксперты [14].

«Киргизация» Казахстана. Одним из новых сценариев, который, однако, вполне может реализоваться, является ухудшение внутривнутриполитической ситуации в Казахстане. С одной стороны, Казахстан в последние годы демонстрировал серьезные темпы роста экономики. Однако в то же время в казахстанском обществе накопилось достаточно большое количество противоречий: серьезный разрыв в уровне доходов и качестве жизни среди населения, межрегиональные противоречия, стихийная урбанизация и порожденные ею проблемы крупных городов, проблема контроля над нефтегазовым комплексом, который является основой экономики республики, активизация исламистского подполья. В условиях процесса передачи политической власти новому лидеру Казахстана эти противоречия могут привести к политической дестабилизации, которая на фоне социальных протестов и активизации исламистов может превратить благополучный Казахстан в нестабильное государство [15].

Так или иначе все эти сценарии говорят о том, что нынешняя ситуация неопределенности в регионе в среднесрочной перспективе с высокой долей вероятности приведет к развитию кризисных тенденций, обострению межгосударственных и

внутриполитических противоречий и открытым конфликтам. При этом важно понимать, что главный акцент необходимо делать на формировании планов посткризисного развития Центральной Азии. И тогда кризис может стать не предвестником апокалипсиса, а началом эры новых возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dowling M., Wignaraja G. Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015. Washington, D.C. 2006;
2. Matveeva A. Selective Engagement: Russia's Future Role in Central Asia // Central Asia Policy Brief. № 3, July 2012. P. 1–6.
3. Казанцев А. Афганистан после 2014 года / Сайт Российского Совета по международным делам. – URL: http://russian-council.ru/inner/?id_4=396 (свободный).
4. European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership. / Council of European Union web-site. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/EU_CtrlAsia_EN-RU.pdf (свободный).
5. Hughes B.B. International Futures: Choices in the Face of Uncertainty. Boulder; Westview Press. 1999.
6. Rathbun B.C. Uncertain about Uncertainty: Understanding the Multiple Meanings of a Crucial Concept in International Relations Theory // International Studies Quarterly. Vol. 51, Issue 3 (2007). P. 533–557.
7. Van der Lijn J., Tefedarija A. Continuity and Uncertainty in a changing world. The Hague; Clingendael Institute. 2012.
8. Волков В. Несостоявшийся предшественник // Сайт «Новой газеты». – URL: <http://www.novgaz.com/index.php/2-news/360-несостоявшийся-предшественник>. (свободный).
9. Brownbridge M., Canagarajah S. Remittances and the Macroeconomic Impact of the Global Economic Crisis in the Kyrgyz Republic and Tajikistan. // China and Eurasia Forum Quarterly, Volume 8, № 4 (2010), P. 3–9. – URL: <http://sitere-sources.worldbank.org/INTECA/Resources/CanagarajahRemittancesE.pdf>. (свободный).
10. Кудряшов А. Ташкент – закрытый город? Жителем столицы Узбекистана сегодня легче родиться, чем стать. / Сайт информационного агентства «Фергана». – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=3416>. (свободный).
11. Kurakbaev S. Migrants Compound Almaty's Problems / Institute of War and Peace Reporting web-site. – URL: <http://iwpr.net/report-news/migrants-compound-almatys-problems>. (свободный).
12. Попов А. Средней Азии предрекают войну за водные ресурсы. / Информационный портал Гайд-парк. – URL: <http://guidepark.ru/community/politic/content/1516094> (свободный).
13. Князев А. Раздел Афганистана вызовет «эффект домино» для всей Средней Азии / Официальный сайт Александра Князева. – URL: <http://www.knyazev.org/index.shtml> (свободный).
14. Мирзаян Г. Как поссорились Эмомали Шарипович с Исламом Абдуганиевичем / Информационный портал «Эксперт». – URL: <http://expert.ru/expert/2012/15/kak-possorilis-emosali-sharipovich-c-islamom-abduganievichem> (свободный).
15. Шевцов Ю. Казахстану опасны не исламисты, а «кыргызский» бардак / Информационный портал Казахстанский агрегатор новостей. – URL: <http://thenews.kz/2012/07/19/1156477.html> (свободный).